

Известия — 1996 — 21 июня — с. 6

Рената Литвинова: Никому не выгодна суперженственность

Рената Литвинова — последний вздох нашего старого кино и первый — нового. Она приковывает взгляды видавших виды завсегдатаев блестящих приемов и богемных вечеринок, а может, никем не замеченная, долго наблюдать на улице за каким-нибудь стариком. В ней бродят неясные силы, зажигающие воображение окружающих. Так рождается «новорусская» мифология со своими богами и «Кинотаврами», в соответствии с которой Литвинова — бывшая фотомодель, живущая напряженной светской жизнью, в свободное от поклонников и развлечений время пописывает рассказы, за право экранизации которых модные режиссеры платят тысячи долларов. Кто-то, возможно, и вспомнит, что она написала и «сыграла» монологи в фильме Киры Муратовой «Увлеченья», и это будет единственная правда о Ренате Литвиновой — белокуром и жестокосердном мифе нового кинематографа.

Если вы еще не видели «Увлеченья», стоит отыскать этот фильм, чтобы понять причины его успеха на многих фестивалях. И еще — чтобы увидеть Ренату Литвинову, читающую свои знаменитые монологи, которые рассеивают и рассмеивают страх смерти.

Миф о Хароне

«Я с вами оттого... что все-таки нужно иметь друзей. (Пауза и, может быть, такие фразы). Я часто думаю, а кто понесет гроб?»

— Какой гроб?

— Ну, мой собственный... Ведь у меня никого нет такого, кто мог бы поднять такую тяжесть. Не-ет, я не специально, но вот если... (Ударение на это слово). Ну, вот если, то ты это сделаешь? Ладно? (Улыбается одновременно).

— Отчего ты такие странные вопросы спрашиваешь?

— Ни отчего, нет никаких у меня оснований и фактов для этого, а просто подстраховываюсь. Как будто меня кто-то под руку толкает, вот сижу я с вами, а мне же самой идет нащепывание: «Спроси, спроси про это, кто же понесет? Подстрахуйся, ведь они же назначались тебе в друзья», — вот я и не могу совладать и спрашиваю так странно...» (Из монологов медсестры Лили).

В одном из интервью Литвинова обмолвилась, что созданный ею в «Увлеченьях» образ — это попытка сыграть героиню романа Ивлиева Во «Незабвенная» мисс Танатогенос, идеальную сотрудницу идеального похоронного бюро, влюбленную в свою работу. По своей должности она может каждый день забираться в лодку к старикому Харону и слушать удивительные истории, которые рассказывают души умерших по дороге в царство Аида...

— Я исследую себя и всех тех, кого дано любить. Себя и жалко, и не жалко, я подопытная, я вечно раздваиваюсь и уже навсегда этим больна. Я обольщаю себя, что если бы не описывала все это на бумаге, это непременно бы случилось со мной наяву: я давно бы уже была прибрана случайной смертью, неизвестной болезнью, ходила бы с того света на свидания, убивала бы одиноких и никчемных, спивалась бы по вокзалам... Я просто вспоминаю и перечисляю свои сюжеты. Мои сценарии не пророческие, жизнь банальной и извращенной...

Миф о Танатосе

Тут-то и появляется крылатый вестник смерти, злобещий Танатос — властелин темного, сумрачного, «псевдо-черно-шизоидного»

Рената Литвинова — «Луcreция». (проект Е. Китаевой «Девушка и смерть»)

(по определению некоторых критиков) мира Литвиновой, в котором она сладострастно кромсает своих героев, а потом пьет их кровь, «но только теоретически, только теоретически, только теоретически», как говаривала медсестра Лили. Впрочем, и этого «теоретически» довольно, чтобы восхищенно выдохнуть: «Декадентка, маньячка, сумасшедшая». Почему те из написанных женщиной историй, что не относятся к так называемой «дамской литературе» с неизменной любовной коллизией и счастливым ее разрешением, называются «плодом больного воображения»?

Вероятно, потому же, почему трудящиеся легче переносят знакомый запах пота, нежели малопонятный аромат духов. Почему манеру Литвиновой называют манерностью, принимая естественность за нарочитость? Все от той же несчастной привычки к раз и навсегда усвоенной норме. Если уж женщина берется за сочинительство, то писать она должна, понятное дело, о жизни, а не о смерти. Но, невзирая на все «ужасы» своего творчества, Рената — по-настоящему жизнерадостный человек, ибо она знает жизнь и умеет ей — всякой — радоваться (кстати, среди радостей чревоугодия особенной любовью пользуется окрошка).

— Свет длится до тех пор, пока ты молод, есть силы, и любовь, и реализация, и успех, и деньги, и воля, и потенция, и удача... К старости, я вижу, тоскуют о молодой коже, безответственности, заплывах через широкие реки, покорениях разных видов, даже о драках и потерях... Потому что это была молодость. Мне двадцать восемь, я в светлом своем естественном периоде. А что было со мной пять лет назад, чем я была недовольна? Прошлое — это нечто отработанное. Я живу через полученный опыт. Уроки выучены, иногда вдобавлены насильственно — меня не зажигает опустошение. Я не люблю встречать детских друзей, прошлых возлюбленных, надевать ненавистные истертые платья, мне противна эстетика изношенного, пропотевшего, с утраченной

энергетикой. Совсем другое — эстетика старины.

Миф об Одиссее

Слава дает человеку великое право: быть не как все. Слава отнимает у человека великое право: быть самим собой. До «Кинотавра» ВГИКовские педагоги перечеркивали красными чернилами целые страницы черного ренатинского текста, заявляя, что так писать нельзя, а после «Кинотавра» восхищались тонкостью, психологизмом, ироничностью тех же сценариев. Рената остается сама собой, не меняясь с увеличением числа поклонников, проектов и интервью. Она не слушает песен сирен, услужливо предлагающих ей ложе из лавра, и, как Одиссей, продолжает свое одинокое плавание.

— Мои сверстники снимают клипы и рекламу. Пока мне интересно анализировать то, что принято называть «останется после них». Допускаю, что к семидесяти я буду более лояльна к старичкам из моей молодости. Верно, их останется уже не так много, каждый будет на учете и дорог как современник.

Вообще, особенную приязнь я испытываю к «после восьмидесяти» и «до двадцати», и есть еще такой раздел — личности, интересные конкретно мне. Я слишком избалована работой и общением с Кири Муратовой, Андреем Кончаловским, Сергеем Соловьевым, Георгием Рербергом... Все они из другого поколения, но молодые ни в какое сравнение не идут пока с этими «монстрами», ни в какое. И все-таки кто-нибудь наконец, появится.

Миф о Сизифе

Говорят, занимаешь сегодня кино — дело обреченное: в какой-то момент производство неизбежно остановится и покатится вниз, как сизифов камень. Вопреки этому мифу Литвинова работает много, стараясь доводить все начатое до успешного финала. Она написала более пятидесяти рассказов, по семи ее сценариям сняты фильмы, в работе кинематографические проекты с Кончаловским, Тодоровским-младшим, Муратовой.

— Самый главный проект сейчас — это мой фильм. Со своим партнером я создала фирму, которая на первом этапе будет заниматься продюсированием моей картины, в дальнейшем — проек-

тов других режиссеров. Это привлекательная для меня деятельность — поощрять молодых. Мой фильм будет малобюджетный, камерный, психологический, криминальный. Хочу снимать Свету Календу, которая играла в «Увлеченьях», у нее будет соблазнительная, почти шекспировская роль. Я это говорю отстраненно, не как авторша. Света — одна из самых талантливых молодых актрис, для меня ее преимущества огромны. Она из тех, кто близок мне по духу, это нечто родственное — как сестра или двойник. Она больше, чем красива, у нее есть душа, и она ироничная, и даже слишком умная... Когда-то Свету открыла Кира Муратова, я хочу это подчеркнуть.

Миф об Афродите

Героини Ренаты Литвиновой: умные, глупые, злые, беспомощные, жалкие, непобедимые — всегда красивы, даже в нелепости своей жизни, даже в неотвратимости смерти. В их взгляде есть то, что новое кино не смогло (или не захотело?) перенять у старого — самодостаточность красоты. Что заставляет смотреть старые фильмы тех, кого нельзя заподозрить в тоске по молодости, ибо она еще длится? Это тоска по Вечной Женственности, по красоте античности.

— Орлова, Ладьянина, Макарова, Целиковская, Серова, Федорова, Окуневская — у нас была целая система кинозвезд, как в Голливуде. Их были единицы, на них специально снимались фильмы. Они олицетворяли народ, страну. Выходило несколько картин в год, сценарии которых правил сам Сталин.

В одном из моих последних фильмов «Принципиальный и жалостливый взгляд» на «Ленфильме» снималась Татьяна Кирилловна Окуневская, и никто об этом не знает, не говорит. А ведь она — величайшая красавица, звезда своего времени. (Кстати, другую героиню в этом фильме сыграла Наталья Калканова и получила на последнем «Кинотавре» приз за лучшую женскую роль). Последнее время я вижу с Окуневской чаще и чаще. Каждая наша встреча — это урок, подарок судьбы. Все говорят о ее незаурядной красоте, от которой нельзя отвлечься, не предполагая, что такая красавица может быть умна, благородна, независима. И может быть сильной. Сейчас Татьяна Кирилловна пишет книгу воспоминаний о лагерях и все время повторяет, что она нищая, и что она счастлива.

Загубленной карьерой киноактрисы и долгими годами несвободы обернулись для Окуневской красота, гордость и нежелание входить в «доверительные» отношения с сильными мира сего. — О.С.)

Общение с ней как будто во мне что-то изменило, я не могу понять... Вот такое мое впечатление от звезды. Да, она подобна некоему женскому абсолюту.

Сейчас это не культивируется в актрисах, они все проще и проще и удобнее, я их понимаю — никому не выгодна эта тотальная женственность: ни мужчинам, ни женщинам. Но на самом деле та, которая будет пытаться этого достичь или хотя бы повторить, победит. Но это моя точка зрения, может, кому-то она невпрок.

Миф об Андромеде

Если сказать Ренате Литвиновой, что она звезда, наверное, она улыбнется и слегка пожмет плечами. А потом улетит. Или в Одессу на съемки нового фильма Киры Муратовой или в созданные Андромеды.

Ольга СЕРГЕЕВА, журналист